

ЧСК
Б 28

СЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКА
И ПИСЬМЕННОСТИ (НИИЯП)

И. А. БАТМАНОВ

Северные диалекты киргизского языка

Выпуск I

Опыт классификации северных диалектов
киргизского языка

Научно-исследовательский институт киргизского языка
и письменности (НИИКЯП)

И. А. БАТМАНОВ

СЕВЕРНЫЕ ДИАЛЕКТЫ
КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКА

1938

Выпуск I

Опыт классификации северных диалектов
киргизского языка

444429

**КИРГОСУНИВЕРСИТЕТ
БИБЛИОТЕКА**

Ответ. редактор **У. Бактыбаев**
Тех. редактор **Абдуллаев М.**
Ответ. по выпуску **Кабилов.**
Ответ. корректор **Яссович.**

Сдано в набор 1/IV-38 г., подписано к печати 23/V-38 г. Формат бумаги 60×92. Типографских знаков в 1 печ. листе 46369. Всего 1,5 печ. листов. Кирглавлит № Б—424 Киргизгосиздат № 92. Заказ № 731. Тираж 1000+140. Цена 30 к.

Фрунзе, типография № 2, Ташкентская, 119.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

I. На сегодняшний день, к сожалению, нет еще ни одной монографической печатной работы, посвященной вопросам киргизской диалектологии; имеются лишь отдельные высказывания, касающиеся отдельных частных вопросов; кроме того, у отдельных работников сосредоточен и фактический материал, не ставший еще достоянием читателя.

II. Вопросами киргизской диалектологии, следовательно, занимаются пока еще только отдельные специалисты, а масса учителей и культурных работников до сего времени не привлечена еще к этой работе. А между тем, изучение диалектов киргизского языка имеет огромное значение в двух областях:

1. В области языкового строительства.
2. В области методики преподавания родного языка.

Проблема регулирования киргизского литературного языка может быть рационально разрешена, когда будут учтены и изучены все потенциальные возможности киргизского языка, богатство его живых диалектов, когда будут установлены (на примерах конкретных языковых фактов) итоги и перспективы развития этих диалектов.

Правильная постановка преподавания родного языка тесно связана со знанием диалектологических особенностей аудитории, учет которых позволяет учителю соответствующим образом составлять и подбирать надлежащие упражнения и виды работ в процессе построения урока. Это положение вытекает из того обстоятельства, что часть орфографических ошибок учащихся идет за счет расхож-

дения между литературным написанием и данным местным произношением.

Изучение киргизской диалектологии, таким образом, является такой же ~~сложной~~ и неотложной задачей, как работа, например, в области составления словарей, грамматики и т. д. и т. п. И чем глубже и быстрее будет изучен этот вопрос, тем скорее будет разрешен ряд практических проблем киргизского языкового строительства.

III. Поскольку изучение киргизских диалектов ведется еще отдельными лицами, а масса не вовлечена в эту работу, перед НИИКЯП стоят задачи:

1. Популяризовать вопросы киргизской диалектологии.

2. Вовлечь учительский актив в работу по собиранию материалов по киргизской диалектологии.

3. Обобщить собранный материал и сделать из него соответствующие выводы.

Исходя из этих трех задач, автор взял на себя смелость опубликовать поскорее первый выпуск своей монографии — „Северные диалекты киргизского языка“, нисколько, однако, не претендуя на его исчерпывающую полноту, но рассчитывая, что эта работа послужит толчком к созданию в будущем всеобъемлющего труда „Киргизской диалектологии“. Этот всеобъемлющий труд — „Киргизская диалектология“ — мыслится автору как продукт коллективного труда, в котором будут отражены все мельчайшие фонетические, лексические, морфологические и синтаксические особенности диалектов в их генезисе. Труд этот — дело будущего, а пока нужно мобилизовать внимание научных работников и учительского актива на участие в этом труде, нужно, следовательно, продвигать эту проблему. И вот, в целях такого продвижения проблемы в массу, автор решил не ставить перед собой на данном этапе грандиозных задач, решение которых потребует большого времени, а поставил перед собою задачу более доступную для него и быстро разрешимую: обобщить материал в свете главных фонетических и одного морфологического признаков. Остальное пусть исправляет и дополняет сам читатель, пусть включается в работу!

IV. Дабы ускорить выход в свет настоящей работы, автор счел необходимым издавать работу отдельными выпусками, по возможности максимально сократив объем каждого из них.

В настоящей брошюре публикуется одна (первая) глава—Опыт классификации северных диалектов.

В последующих выпусках предполагается опубликовать:

1. Обзор особенностей Таласско—чаткальской системы.
2. Обзор особенностей диалектов Чуйской долины.
3. Обзор диалектов центральной части Киргизии.
4. Тексты и материалы к диалектологическому словарю.

Обзору же особенностей южных диалектов Киргизии будут посвящены другие работы.

Автор.

Г. Ташкент. 3 июля 1937

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ СЕВЕРНЫХ ДИАЛЕКТОВ КИРГИЗСКОГО ЯЗЫКА.

I. Вводные замечания.

Современный литературный киргизский язык сложился в процессе многовекового взаимодействия различных языковых систем и пластов.

На основании исторических данных трудно судить о времени образования специфических для киргизского языка особенностей; короче говоря, трудно точно установить дату появления той речевой системы, которая, оказавшись ведущей, при обслуживании потребностей общения, в процессе использования внутренних ресурсов и скрещивания дала нынешнее качество, т. е. киргизский язык.

Академик В. В. Бартольд в своей работе „Киргизы“ (г. Фрунзе 1927 г.) указывает, что первые известия о киргизах могут быть отнесены к 201 г. до нашей эры. Однако, как отмечает В. В. Бартольд, эти данные ничего не говорят об языке и местоположении киргиз. Во всяком случае можно по ряду данных судить о том, что киргизы, находясь в то время где-то в бассейне верхнего течения Енисея, сталкивались с динлинами—предками енисейских остяков, хуннами, китайцами и, очевидно, с предками других турецких племен.

Достоверные данные о судьбах киргизского народа относятся к VI веку н. э.; по этим данным можно судить о том, что в это время киргизы говорили уже на одном из турецких языков; при чем, академик Бартольд высказывает положение о том, что „киргизы были отуреченными енисейскими остяками и вели войны со своими родичами, сохранившими свой прежний язык“ (В. Бартольд „Киргизы“, стр. 10).

Насколько правильно это положение, судить мы не беремся, но оно пока дает основание предположить, что киргизский язык сложился во всяком случае до VI в. н. э. и, при наличии подавляющей массы турецких элементов, включал элементы языков хуннов, остяков, предков нынешних китайцев, монголов и др.

Сам процесс скрещивания ведущей языковой системы шел двумя путями:

1. За счет скрещивания в процессе экономических связей с другими коллективами, когда киргизская языковая система пополнялась новыми лексическими элементами, хотя и количественный состав субстрата (носителей) не подвергался при подобных связях количественным изменениям.

2. За счет пополнения киргизского коллектива новыми иноязычными сочленами, которые сначала становились двуязычной группой (владеющей и родным и киргизским языками), а впоследствии утрачивали свой родной язык, сохраняя в конце концов незначительные отличия, объясняемые переносом киргизского языка на иноязычную почву. Благодаря этому иноязычные элементы, обнаруживаемые в кир. языке, имеют две исходных точки, и, следовательно, отдельные диалектологические особенности в ряде случаев могут рассматриваться как пережитки некогда самостоятельных языковых систем, влившихся в киргизский язык.

Как уже указывалось, в киргизском языке вскрывается ряд пластов или признаков, оказывающихся общими для киргизского языка и какого-либо языка другой системы или группы. Так, лексические элементы, общие монгольскому, киргизскому и др. турецким языкам, ясно обнаруживаются и в современной киргизской лексике, например, в таких словах, как „*erten*—завтра“, „*el* народ“ и т. п.

С другой стороны, стыки киргиз с уйгурами¹ с монголами и различными турецко-язычными народами² могли привести и к усилению обще-турецких языковых черт в самом киргизском языке. С появлением киргиз на Тянь-Шане киргизский язык приобретает ряд черт, заимствуемых на протяжении веков им от предшественников казахов, узбеков и от русских.

Дата появления киргиз на Тянь-Шане точно не установлена. В период XIV—XV в. киргизы не упоминаются в летописях; первые упоминания о киргизах, живущих на Тянь-Шане, относятся к XVI веку, но, очевидно, киргизы перекочевали туда значительно раньше.

Вместе с этим часть киргиз осталась на Енисее, равно как после перекочевки на Тянь-Шань незначительные

1) Ср. например, завоевание киргиз уйгурами в VIII в, затем—покорение уйгур и Монголии киргизами в IX в.

2) в миграционном потоке Чингиз-хана (XIII в).

группы в конце XIX в. откочевывали в Горный Бадахшан и в с.-з. часть Туркмении.

• До Октябрьской революции киргизский язык складывался, помимо различных территориальных говоров, из двух социальных пластов проникающих эти территориальные говоры.

1. Первый языковый пласт — это живая речь трудовых слоев киргизского населения, отличающаяся некоторыми территориальными особенностями. Этот языковый пласт в процессе скрещивания и использования потенциальных своих элементов, вызывавшимся потребностями социального общения и сдвигами в мышлении, зависимыми, в свою очередь, от материального базиса, претворился теперь в стандартный киргизский язык, получивший свою письменность в 1924 году и оформившийся в результате проведения национальной политики коммунистической партии.

2. Второй пласт — это диалект бай-манапской феодальной верхушки, оснащенный арабизмами и элементами языка татарской и узбекской торговой буржуазии и духовенства. Этот языковый пласт развивался за счет татарского и узбекского влияния, благодаря тому, что до того времени киргизы не имели школы на родном языке, а бай-манапские дети обучались в татарских или узбекских школах; при чем, значительная часть тогдашних киргизских молдо обучалась в казанских и уфимских медресе. Помимо того, влияние языка татарской и узбекской торговой буржуазии на язык бай-манапской прослойки было реальным и благодаря идеологической общности с ней интересов бай-манапства.

Эта языковая прослойка была весьма ничтожна по количественному соотношению с первым языковым пластом и при ликвидации эксплуататорских соц. прослоек, в общем, эти языковые особенности на сегодняшний день утратили свое значение.

Наряду с наличием выработавшегося стандартного киргизского языка не приходится отрицать существование еще на сегодняшний день некоторых (часто уже незначительных) территориальных особенностей, происходивших, во первых, благодаря наличию производственно-экономических особенностей районов (специализация хозяйственной деятельности: хлопководство и животноводство), и, во — вторых, благодаря стыкам киргизского языка с узбекским и казахским языками.

Не отрицая их наличия, не следует, однако, переоценивать значение этих отличий.

Строго говоря, отличия, позволяющие ставить вопрос о диалектологическом составе киргизского языка, сводятся главным образом, к отличиям между северными и южными диалектами; внутри же северной группы эти отличия настолько незначительны сами по себе, что можно говорить сейчас скорее не о диалектах, а о пережитках диалектов. Эти „пережитки“ восходят, очевидно, к некогда самостоятельным речевым системам, влившимся в киргизский языковой пласт (точнее,—в пласт, который впоследствии дал качество—киргизский язык). Судя по обследованию говоров представителей старшего возраста, приходится прийти к выводу, что обнаруживаемые у стариков диалектологические пережитки присущи были различным родовым группам, а те, в свою очередь, до вхождения в киргизский коллектив, говорили на других языках.

Названия отдельных киргизских родов проливают свет и на происхождение киргизского нац. коллектива.

Наличие в составе киргиз рода Монголдор свидетельствует о том, что в киргизский коллектив некогда влилась либо группа монголов, либо коллектив, связанный с монголами.

Род катаган, кочевавший до Октябрьской революции в районе Кочкорка, представляет из себя осколок коллектива, расколовшегося на две ветви, из которых одна влилась в киргизский коллектив, а другая—в узбекский; при чем, судя по языку катаганов, влившихся в узбекский языковой коллектив, катаганы говорили на языке очень близком к казахскому. Вливаясь в различные нац. коллективы, осколки отдельных родов сохраняли на некоторое время и свои языковые особенности, а потом (и очень скоро) в процессе экономического симбиоза ассимилировались в языковом отношении с языком ведущего коллектива, утрачивая свои специфические особенности.

Сохраняющиеся же более или менее устойчиво отдельные специфические черты выходили за пределы родового деления.

Совместные перекочевки, в свою очередь, еще в условиях кочевого феодализма содействовали процессу сближения различных диалектологических особенностей, и привели к тому, что на одной территории и даже в отдельные периоды в одной семье уживалось несколько диалекто-

гических особенностей, а это и приводило к процессу стабилизации диалектов, или к образованию койне (стандартного разговорного языка).

В условиях кочевого феодализма этот естественный процесс по ряду причин (ну, хотя бы в силу замкнутости отдельных родовых групп, а так-же в силу культивированного феодальной верхушкой родового антагонизма) искусственно задерживался и потому протекал чрезвычайно медленно.

Октябрьская революция и победа колхозного строя привели к слиянию диалектов в единую речевую систему.

Объединение в колхозы представителей различных диалектов, возникновение промышленных центров, возникновение прессы, рост издательства, рост сети школ, ликвидация неграмотности, встречи трудящихся различных уголков Киргизии на съездах и конференциях,—все это привело к ускорению процента оформления киргизского литературного языка, к сглаживанию диалектологических особенностей и к превращению диалектов лишь в пережитки, утратившие свое самостоятельное существование.

В беседе с одним из колхозников, на мой вопрос,—к какому роду он принадлежит, колхозник резонно ответил, что он принадлежит к колхозному роду, и что в их колхозе забыли уже о родовом делении.

И этот процесс объединения трудящихся киргиз в монолитный коллектив послужил залогом расцвета киргизского языка.

При чем, процесс сглаживания диалектологических особенностей протекает весьма интересно: усиление межрайонного общения и мероприятия в области культурного строительства выработали в сознании массы критерий правильности речи; незначительная лишь часть населения продолжает быть до известной степени двудиалектной: говорит на стандартном языке и параллельно употребляет особенности своего диалекта. Таким образом, в речи одного индивида мы обнаруживаем иногда признаки двух диалектов. Значительная часть трудового населения севера Киргизии, особенно в лице партийного, советского, колхозного и комсомольского актива, говорит на стандартном языке. Этот стандартный разговорный язык является основным пластом, в котором тонут (утрачивают свои особенности) отживающие диалектологические различия.

На сегодняшний день, наряду с единой системой киргизского литературного языка, в одном территориальном пункте возможно стечение пережиточных признаков нескольких диалектов. Таким образом, понятие территориального диалекта приобретает условное значение: не абсолютное, а лишь более резкое преобладание на данной территории той или иной диалектологической особенности, сосуществующей с другими.

Подходя с этой точки зрения к классификации диалектологических особенностей северной части Киргизии, следует характеризовать не отдельные территориальные пункты, а дать схему расположения тех или иных диалектологических признаков по всей территории; отдельные же территориальные участки будут характеризоваться тогда перечнем проходящих через них классификационных признаков.

При описании системы диалектов северной части Киргизии термином „диалект“ мы пользуемся условно, вкладывая в него понятие лишь пережиточного порядка. При сопоставлении этих „диалектов“ мы исходим из норм литературного киргизского языка, описанных в учебниках для киргизской школы; вдаваться в описание этих норм мы не будем, предполагая, что они известны читателю. Остановимся здесь лишь на перечне тех классификационных признаков, на основе которых устанавливается соотношение киргизского литературного языка с другими турецкими языками (Более подробно по этому вопросу см. мою „Граматику киргизского языка (для русской аудитории)“, издаваемую НИИКЯП).

II. Место киргизского языка в системе турецких языков.

Киргизский язык, входя в систему турецких языков, имеет отдельные фонетические черты (наличные лишь в общих только словах), общие для ряда таких языков, как — татарский, казахский, башкирский, кара-калпакский, мешчерский, барабинский, ойротский, телеутский, кумандинский, карачаевский, балкарский, северных наречий крымско-татарского языка и ряда говоров узбекского языка.

Из признаков, отличающих киргизский литературный язык от территориально-сопряженных — казахского и узбекских говоров, отметим десять, имеющих по нашему мнению более или менее существенное значение.

1. Замена дифтонгов долгими гласными (вм. *tav*—имеем *too*, вм. *suu*—имеем *suu* и т. п.).

2. Таким образом, система киргизского вокализма складывается из восьми кратких фонем (*a, e, o, ɔ, i, ʏ, u, y*) и шести долгих (*aa, ee, oo, ɔɔ, uu, yy*); следовательно, всего из 14 фонем. Тогда как в казахском языке имеем 9 гласных (*a, ə, e, o, ɔ, u, y, ʏ, i*), а в прилежащих узбекских диалектах количество их колеблется от 6 (*ə, ə, e, o, u, i*) до 10 (*a, ə, ɔ, e, o, ɔ, u, y, ʏ, i*).

3. *Ç*—оканье отличает киргизский язык от казахского, ибо в казахском имеем не *Ç*, а *Z*=ж. В узбекских диалектах имеем как *ç*, так и *j* в начале слова, в зависимости от диалекта. Так, киргиз. *çol*=казахск. *zot**=узб. *jol, çol*—путь.

4. Лабильно—сингармонистическое чередование широких гласных (переход *a-e* в *o-ɔ*) не обнаруживается ни в казахском языке, ни в узбекских диалектах. ЛабIALIZация же узких гласных обнаруживается в ряде живых говоров узбекского и казахского языков; изменение гласных по признаку твердости—мягкости отражается графически в каз. языке, и обнаруживается в отдельных сингармонистических диалектах узбекского языка.

Т. о., кирг.—*yjlar*=казахск.—*yjler*=узбекск.—*yjlar* (пишут по узбекский—*ujlar*)=дома (мн. ч.).

Лит. кир.—*turdu*=лит. казахск.—*turđь*=лит. узб. *turdi*=стоял, жил; однако, в ряде казахских говоров и некотор. хорезмских говорах узбекского языка имеем и факультативно *turdu*, впрочем, чаще в закрытых слогах (т. е. *turdum*, но *turđь*).

5. Аффиксальные *l* и *d* не переходят в *n*, тогда как в казахском языке, сочетаясь с основами, оканчивающимися на носовой согласный, возможны факультативные случаи перехода *l* в *n* в аффиксе—*lar*, и *d* в аф.—*dan* когда оказывается между двумя носовыми). В узбекском языке подобные случаи возможны в кыпчакских диалектах, но в лит. языке, как и в ряде ферганских (соприкасающихся с киргизскими) говорах, оно не обнаруживается. Кирг. *adamdar*=казахск. лит.—*adamdar*=в казахск. диалектах—*adamnar*=узб. *adamlar*≐ „люди“. Кирг.—*adamdan*=каз. *adamnan* человека.

* Пишется *ç*.

6. Фонема *h* в общей массе живых говоров кир. языка отсутствует, при наличии ее, однако, в узб. сопряженных диалектах.

7. В ферганских (сингарм) диалектах узбекского языка фонемы *f*, *v*, *x*, появились значительно раньше, нежели в киргизском и казахском языках. При чем, в кир. литерат. языке фонемы *f*, *v*, *x*, как прогрессивное явление, обнаруживаются в словах, вошедших в киргизский язык после Октябрьской революции (ср. *Frunze*, *Vorošilov* и т. п.).

В дореволюционном консервативном языковом пласте фонемам *f*, *v*, *x* узбекских, ферганских несингармонистических (чагатайских) говоров соответствовали кирг. и казахск. *p*, *b* и *q*: узб.—*jaxši*=кирг. *çaqşb*; каз.—*zaqsb*=(пишется=*çaqsb*) хороший, *hava*=кирг. *ava*—погода и т. п.

8. Киргизскому и узбек. *ş* в казахск. соответствует *s*: кирг. *taş*=узб. *taş*=каз. *tas*—камень.

9. Киргиз. и узбек. *c* в казахском соответствует *ş*: кирг. *sac*=узб. *sac*=каз. (пишется *sac*) *şaş*—волосы.

10. Киргизской форме настоящего времени данного момента, типа *varıp çatat*, в казахском соотв. форма типа *vara tcaır*, в узбекск.—*varjap*, *varut*, *vorvot* и т. п.

III. Наречия киргизского языка.

В составе современного живого киргизского языка можно выделить два наречия или две группы диалектов (или, точнее, две группы пережитков диалектов):

1. Южное наречие, или южные диалекты.

2. Северное наречие, или северные диалекты, имеющие на сегодняшний день незначительные фонетические отличия и одну лишь отличную морфологическую черту.

Южные диалекты представляют из себя продукт взаимодействия киргизского и узбекского языков и характеризуются в совокупности своей следующими главнейшими признаками (необязательными, однако, в полной мере для каждого из диалектов).

1. Отсутствие долгих гласных, но наличие дифтонгов.

2. Сокращение количества кратких гласных (за счет совпадения *to* и *i*, *to* и *o* и *o* и *u*).

3. Наличие гласного *ə*.

4. Относительная частота употребления *p* в начале слова: южн. *paйда*=северн. *vaйда*=польза.

5. Появление *j* в начале слова, параллельно с *ç*: *jurt* || *çurt*—народ.

6. Относительная давность фонемы Х. Сев. *çaqşb* = южн. *jaxşb* или *çaxşb* = хороший.

7. Наличие в ограниченной части диалектов фонемы *h*.

7. Десингармонизация основ и аффиксальных образований. Сев. *ökymət* = южн. *ökymət* = власть; сев. = *vaşbnda* = южн. — *vaşidə*.

9. Наличие ряда слов, общих с узбекским языком (напр., *kattə* — большой и т. п.), не говоря уже о хлопководческих терминах.

10. Наличие союза *ki*, при помощи которого образуется конструкция сложного по способу сочинения предложения.

Однако наличие ряда из этих особенностей обнаруживается даже у отдельных индивидов в качестве элементов, сосуществующих с нормами стандартного киргизского языка, а некоторые из представителей южных диалектов оказываются двуязычными (владеющими киргизским и узбекским языками) и еще, в пределах знания киргизского языка, дву-диалектными (говоря и на литературном языке, и на своем диалекте), но отдающими, однако, предпочтение литературному языку и рассматривающими свой диалект как отступление от норм литературного языка. Подробной классификации южных диалектов кир. языка и их описанию будут посвящены другие работы, и поэтому мы ограничимся пока лишь вышеприведенными данными, не вдаваясь в подробности, выходящие за пределы нашей темы.

Сопоставляя северные диалекты в их совокупности с особенностями литературного языка, обнаруживаются их отличия лишь по одному-двум классификационным признакам, главным образом, фонетическим. Разница между самими диалектами столь же незначительна.

Эти диалектологические особенности, как уже указывалось выше, складываются из сплетения различных признаков, выходящих за пределы отдельных территориальных диалектов:

IV. Классификационные признаки северных диалектов.

Приступая к классификации северных диалектов, мы первоначально предполагали построить классификацию, учитывая следующие изгlossы (повторяющиеся черты):

1. Степень сингармонистического чередования гласных.
2. Наличие или отсутствие долгот.
3. Сохранение или отпадение начального *n*.

4. Чередование $\zeta \parallel j$ в начале слова.
5. Ступени озвончения начального p .
6. Ступени озвончения v между гласными.
7. Чередование $s \parallel z$
8. Различение S и Z
9. Чередование аффиксального i (на примерах аффиксов—*luu* и *lyq*, но не—*lar*).
10. Форма настоящего времени данного момента. Остановимся на рассмотрении этих черт.

1. Попытка распределить северные диалекты киргизского языка по ступеням сингармонизма при более глубоком изучении фактов оказалась тщетной, ибо во всех диалектах обнаруживается одна (и, безусловно, прогрессивная) тенденция к снижению степени сингармонизма в аффиксах: в третьих аффиксальных слогах утрачивается явление лабиализации: *вм.—yjloryndə* имеем—*yjlorynde*—в его домах, *вм.—yjloryvuz* имеем—*yjloryviz*—наши дома (с редуцир. гласным, который обозначаем здесь знаком \dot{i}) и т. п. Явление это оказалось общим для всех рассматриваемых северных диалектов.

Наличие ступеней сингармонизма может приниматься в расчет лишь при сопоставлении южных и северных диалектов, т. к. в южных диалектах, в ряде случаев, утрата явления лабиализации аффиксов обнаруживается независимо от позиции аффикса; кроме того, обнаруживается (благодаря совпадению \dot{b} и \dot{i}) и утрата лингвально-сингармонистического чередования (по признаку твердости—мягкости). Этого, однако, в северных диалектах мы еще не имеем.

Примечание 1. Говоря здесь о явлениях сингармонизма гласных, я имею в виду, разумеется, явление чередования гласных только в аффиксах; что же касается явления сингарм. гласных в основах, то о нем и говорить не приходится, т. к. на современной стадии своего развития киргизский язык уже покончил с этой обузой, ибо в процессе своего развития киргизский язык обогатился новым типом чередований, допускающим сочетания в одной основе гласных разных категорий (твердых—мягких, губных—негубных), напр., в словах—*masele*, *mamleket*, *konstitutsija* и т. п.

Примечание 2. Сингармонизм аффиксов, в свою очередь, рано или поздно так же будет утрачен, ибо тенденция к утрате сингармонистических чередований обнаруживается на примерах других турецких языков. Максимальная (но не изначальная) ступень сингармонизма—это чередование

гласных широких и узких по признаку губному—негубному, твердости—мягкости, т. е. переходы:

a—e—o—ə

ь—i—u—y

Снижение степени сингармонизма идет, на примерах турецких языков, таким путем:

а) сначала утрачивается явление лабиализации широких гласных (вместо *a—e—o—ə* имеем *a—e* или *a—ə*) в третьих аффиксальных слогах, благодаря редукции гласного; потом—во вторых и первых.

б) Затем утрачивается явление лабиализации узких гласных в открытых слогах, с сохранением, однако, его в слогах закрытых: имеем, например, в ряде живых диалектов узбекского языка *turđь*, но *turđum* и т. п.

в) Потом наступает утрата лабиализации во всех слогах, и остается только изменение по признаку твердости—мягкости:

qaldь—keldi

turđь—kerdi и т. п.

г) Наконец, утрачивается главным образом благодаря совпадению *ь* и *i*, как это можно наблюдать на примерах монгольского языка, или некоторых говоров узбекского, и явление лингвально—сингармонистического чередования гласных.

Если подойти с точки зрения этой шкалы к оценке киргизских диалектов, то можно считать, что северные диалекты находятся в стадии „а“ (утрата лабиализации широких гласных в третьих аффиксальных слогах), а южные диалекты распределяются между пунктами „б“ и „г“.

Таким образом, традиция письменного языка оказывается в этом отношении более консервативной, нежели живые говоры.

II. Более реальной оказалась попытка распределения диалектов по такому признаку, как наличие или отсутствие долгих гласных.

Среди северных диалектов отмечается по этим признакам две группы: неимеющая долгих гласных, но имеющая дифтонги; другая,—имеющая вместо дифтонгов долгие гласные. Долгие гласные киргизского языка представляют из себя, в отличие от долгих гласных туркменского языка, не пережитки древне-турецких долгот, а продукт новообразования, возникающий на базе разложения дифтонга или благодаря утрате согласных.

Не следует, однако, думать, что на месте долгого гласного всегда будут только дифтонги в диалектах первой группы; там вместо долгого гласного может быть и дифтонг, и сочетание гласных с согласными, и краткий гласный; в единичных случаях возможно появление долгих гласных. Это видно из соотношения одних и тех же основ в лит. кир. языке и таласском диалекте:

В лит. кир. языке.

1. *Too, suu*

2. *Door*

3. *Ee; çeek*

4. *Ooru*

В таласском диалекте.

1. *Tov, suv* (гора, вода.)

2. *Dovur* (период)

3. *Eje, ege; çejek* (хозяин; берег)

4. *Oru* (кратк. гласн., возникший на базе утраты долгого, создавшегося из дифтонга) или *ovru* (большой).

5. *Ooz*

5. *Oos* (рот) — (появился уже долгий гласный)

Долгий *aa*, по моему мнению, вообще не существует в кир. языке: в словах *şaar, maal*, и т. п. имеем два слога (=два самостоят., но одинаковых гласных).

Таким образом, в диалектах, сохраняющих дифтонги, обнаруживаются более древние черты в области вокализма, нежели в диалектах, где дифтонги возмещаются долгими гласными.

Изоглоссу, показывающую наличие долгот, условно будем передавать, по примеру обозначения признаков в системах классификации турецких языков акад. Корша и акад. Радлова, словом „*too*—гора“, а изоглоссу, показывающую отсутствие в общ. массе случаев долгот, но сохранение вместо них дифтонгов или согласных при гласных, будем иллюстрировать другим вариантом того же слова—*tov*.

Точно так же на примерах слова „*suu*—вода“ первый признак можно иллюстрировать в виде—*suu*, а второй—*suv*.

3. Среди некоторых представителей киргизского языка отмечаются случаи утраты начального носового согласного *n* или *m*: в м. литературного *najza*—копье, или *minip*—сев, садясь (на лошадь), имеем—*ajza, inip* и т. п. Черту, сводящуюся к сохранению начальных губных согласных, условимся обозначать через *najza*, а изоглоссу, свидетельствующую об утрате начального носового согласного будем передавать через другой вариант этого же слова: *ajza*.

4. Учет чередования $\zeta \parallel j$ в начале слова для характеристики северных диалектов оказался неуместным, ибо обнаруживаемые среди представителей этих диалектов случаи параллельного употребления ζ и j в начале слова (напр. *col* и *jol*—путь) объясняются соседством данного слова с предшествующим: в тех случаях, когда предшествующее слово оканчивается на гласный, начальный ζ ослабляется и произносится как j : *szjirma caxta* произн.—*szjirma jaxta*, *valasj coq* произн.—*valasj joq*.

Таким образом, чередование $\zeta \parallel j$ может рассматриваться как выражение двух ступеней озвончения одной и той же фонемы, употребляемой в начале слова.

Появление j вместо ζ возможно (но не всегда обязательно) так же и в начале предложения, при условии опущения предшествующего члена, который в произношении должен был бы оканчиваться на гласный: на вопрос—*„valasj varv?—estj li u nego deti?“* имеем часто ответ: *„joq—net“*, ибо здесь *coq* следует после промышляемого (но не произносимого)—*valasj*.

Сохранение ζ или замену его через j в начале слова условимся соответственно передавать словами *col* или *jol*, которые, однако, в качестве изоглосс для характеристики отдельных северных диалектов употреблять не будем.

Условимся только, что северные диалекты будут относиться к группе *col* (при двух ступенях озвончения, т. е. при комбинаторных изменениях $\zeta—j$ и обратно), а в составе южных диалектов одни будут принадлежать к той же группе *co*, а другие к группе—*jol*.

5. Отмечается в группе слов, укоренившихся до Октябрьской революции, сохранение в начале слова звонкого согласного *v* или, наоборот, соответствие ему *p*. Так, возможны дублеты по типу *„vajda“* \parallel *pajda*—польза“ и т. п. Фонема *p* в начале изолированного слова появилась в северных диалектах относительно недавно, главным образом, после Октябрьской революции.

На одном из предшествующих этапов развития северных диалектов киргизского языка все заимствованные слова, начинавшиеся на *p*, подвергались изменению, благодаря замены его звонким *v* или *m*, как это мы имеем на примере *„pъjaz—mъjaz—лук“*.

Сохранение глухого *p* или замену его звонким *v* будем иллюстрировать на примере слова *„pajda—vajda—польза“*, оговорившись, однако, что на значительную часть слов,

вошедших в киргизский язык после Октябрьской революции, закон чередования *p* || *v* уже не распространяется. Так, например, мы уже в огромной массе случаев имеем стабильный *p* в начале слова—*partija* и т. п.

6. Отмечается употребление *v* разных ступеней озвончения: имеем и „*varavet*“ и „*varavъz*“ (буквой *v* обозначаем губно-губной согласный) мы пойдем; *ava* и *ava* погода, воздух; *savar* и *savar*—побежит. Повидимому, различные ступени озвончения фонемы *v* были присущи киргизскому языку на предшествующих ступенях его развития, и вариант *varavъz* является вариантом пережиточного порядка.

Примечание. При рассмотрении комбинаторных изменений согласных в сев. диалектах обнаруживаются пережитки двух ступеней озвончения (по признаку глухости-звонкости) в позиции между двумя гласными.

Явление комбинаторного изменения *v* и *v* будем передавать условно при помощи слова *varavъz*, а отсутствие его через—*varavъz*.

7. В ряде северных диалектов отсутствует фонема *z*, и заменяется через *s*: лит. *zaman* соответствует *saman* — время;

вместо *viz* имеем *sis*—мы

вместо *qъzyl*— „— *qъsyl*—красный.

Это отсутствие *z* будем выражать при помощи слова „*qъsyl*—красный“. Впрочем, следует помнить, что хотя в этой группе диалектов и отсутствует самостоятельная фонема *z* но, тем не менее, *s*, оказываясь у некоторых представителей между двумя гласными, может озвончаться, произносясь как *z*: в м. *atasъ*—имеем *atazъ*—его отец и т. п. Различение *z* и *s* будем выражать при помощи другого варианта того-же слова „*qъzyl*“.

8. Наоборот, в других случаях вместо лит. *s* имеем *z*: в м. *saj* имеем *zaj*—река и т. п.

Признак этот будем обозначать при помощи звонкого варианта слова „река, ручей—*zaj*“.

9. Отмечаются различные ступени изменения *l* в аффиксах—*iui* и—*lъq*, сочетающихся с основами, оканчивающимися на *r*.

В одних случаях, по аналогии с изменением аффикса—*lar**, аффиксы эти остаются без изменений; в других-же

*. Аф.—*lar* всегда после *r* остается в виде—*lar: ŝaarlъr, erler* и т. п.

случаях *l* переходит в *d*; таким образом имеем такие дублеты:

„*ar tyrlıy* и *ar tyrdyy*—разный“,

„*varlıbq* и *vardıbq*—все“ и т. п.

Изменения аффиксального *l* после *r* будем иллюстрировать при помощи слова *tyrlıy* или *tyrdyy*.

10. Из морфологических черт, кои уместно принять в расчет для классификации особенностей северных диалектов, наряду с наличием во всех северных диалектах литературной формы настоящего эпизодического (данного момента) типа *vara çatat*, имеется еще три вариации:

1. *Bara çatat* (*vara jatat* или в Атбашах—*varajtat*),

2. *Baratat vara ajtat*

3. *Bara çatır* (*vara jatır*).

Из них: вторая вариация представляет из себя стадияльно более позднее явление.

Процесс образования сокращенной формы настоящего эпизодического (типа—*varatat*) протекал параллельно в разных диалектах и представляет из себя процесс грамматикализации вспомогательного глагола *çat* в форме н.-буд. времени (*çatat*). Таким образом, *vara çatat* → *vara jatat* → *varatat*.

История этого образования может быть подтверждена примерами образования той-же формы настоящего эпизодического в узбекском языке:

Ташкентский аф.—*wot* из—*ьв jat*.

Ферганский аф.—*jap* из—*a jatıv*.

Что-же касается третьего варианта формы настоящего эпизодического, типа *vara çatır*, то он представляет из себя результат казахского влияния. Каждую из этих вариаций в системе классификации мы будем выражать при помощи сочетаний: *vara çatat*, *varatat* или *vara çatır*.

Из рассмотренных десяти изоглосс, таким образом, мы принимаем в расчет только восемь, поскольку ступени сингармонизма и явления *çоканья*—*жоканья* не имеют значения для характеристики отдельных северных диалектов.

Таким образом, мы принимаем в расчет следующие изоглоссы:

1. *too*—*tov* (наличие долгот—соответств. дифтонгов)

2. *najza*—*ajza* (сохранение—отпадение начального *n*)

3. *vajda*—*pajda* (чередование *v* || *p*)

4. *varavъz*—*varavъz* (ступени озвончения *v*)

5. *qъzyl* (различение *z* и *š*)

qъsıl (отсутствие *z*)

zaj (озвончение *s*). Три изоглоссы об'единяем в одну графу;

6. *tyrduy—tyrlyy* (изменение—не изменение аффиксального *l* после *r*);

7. *vara çatat, varatat, vara çatyr* (морфологические признаки: различные варианты формы настоящего эпизодического).

V. Распределение изоглосс

Отметим теперь территориальное распределение этих изоглосс.

1. 1) Изоглосса *too* распространяется по всей северной части Киргизии к востоку от Таласской долины, являясь характерным признаком для подавляющего числа киргизских северных диалектов.

Однако в таласском (включая и Кировский район) и чаткальском участках она не прослеживается в среде основного (давнего) пласта населения.

2) Изоглосса *tov* прослеживается в таласском и чаткальском участках, а также к западу и северу от них, уже, следовательно, вклиняясь частично в территорию Казахстана.

2. 1) Изоглосса *najza* (с разновидностью—*najsa*) проходит от Таласа и Чаткала до Нарына, частично прерывается там, а затем прослеживается в атбашинском и кочкорском участках.

2) Изоглосса *ajza* прослеживается частично в Чуйской долине в Калининском районе среди потомков рода Адигине, где обнаруживаются спорадически *ajsa, ʒsʒabek* и т. п.

Эта-же изоглосса *ajza* вновь появляется среди языковых потомков сарыбагышей Нарынского и Атбашинского (с разновидностью—*ajsa*) районов, встречается среди отдельных представителей Иссык-кульской котловины, а затем теряется.

Таким образом, обнаруживается частичное совмещение двух изоглосс „*najza*“ и „*ajza*“ (с разновидностями *najsa, ajsa*) в Калининском и Нарынском районах.

3. 1) Изоглосса „*vajda*“ (свидетельствующая о наличии *v* вместо *p* лишь в дореволюционном пласте, но отнюдь не-исключающая в словах, возникших на современной стадии развития кир. языка, наличия *v* в начале слова) простирается по всей территории распространения северных диалектов.

2) Вместе с изоглоссой „*vajda*“ сосуществует изоглосса „*pajda*“, обнаруживаемая в пределах нижн. части Чуйской долины и совмещающаяся там территориально с изогл. *vajda*.

4. 1) Изоглосса „*vaɣav̆v̆z*“ (с разновидностями—*vaɣav̆v̆z*, *vaɣav̆v̆s*) простирается в пределах Чуйской долины и Иссык-кульской котловины.

2) Изоглосса „*vaɣav̆v̆z*“ (с разновидностью — *vaɣav̆v̆s*) прослежена нами в Таласе, и Кировск. р-не., Чаткале и Нарыне, Атбашах, Кочкорке и Джумгале.

5. 1) Различие *s* и *z* или, по нашему условному обозначению, изоглосса *q̆zyl* прослеживается в общей массе на участке Чон-Кеминя по всей Иссык-кульской котловине и в Нарыне. Частично (отдельные точки) эта же изоглосса прослеживается в Таласе, Кочкорке и Джумгале.

2) Изоглосса *q̆syl* прослеживается в Таласе, Чаткале, Чуйской долине, Атбашах, Кочкорке и Джумгале.

3) Изоглосса *zaj* прослеживается среди единичных представителей языковых потомков саяков на территории между Кунгей-Ала-Тау и Тюпом, Кроме того, по непроверенному мной сообщению отдельных лиц, эта же изоглосса прослеживается на юге Киргизии. Если это так, то можно предполагать, что ее занесли на север предки саяков.

Эти изоглоссы совмещаются, следовательно, так:

а) первая и вторая (*q̆zyl* и *q̆syl*) в Таласе, Кемине, Кочкорке;

б) первая и третья (*q̆zyl* и *zaj*) на участке от Кунгей-Ала-Тау до Тюпа.

VI. 1) Изоглосса *tyrduy* прослеживается по всей Чуйской долине, всей котловине Иссык-Куля, в Нарыне и Атбашах.

2) Изоглосса *tyrlyy* прослеживается в Таласе и Чаткале (в виде—*tyrly*), совмещается с первой изоглоссой (*tyrduy*) в низовьях Чуйской долины, на участке от Кунгей-Ала-Тау до Тюпа и частично в Иссык-кульской котловине. Кроме того, прослеживается частично в Атбашах (совмещаясь с первой) и полностью в Кочкорской долине и Джумгале.

VII. 1) Изоглосса *vara çatat* (с разновидностью *sara jatat*) обнаруживается на всех участках, кроме северного берега Иссык-Куля, уживаясь с двумя другими (см. ниже).

2) Изоглосса *varatat*, т. е. следующая ступень развития первой изоглоссы, прослеживается в Иссык-кульской котловине, Нарыне, Атбашах, Кочкорке и Джумгале. В Чуйской долине пока удалось ее проследить в очень незначительной доле, скорее в качестве частного случая, среди потомков солтинцев, живущих под гор. Фрунзе.

3) Изоглосса *vara çatır*, как это и следовало ожидать прослеживается главным образом на тех участках, где обнаруживается наиболее интенсивное скрещивание киргизского языка с казахским: в Таласе, Чаткале, низовьях Чуйской долины и по северному берегу Иссык-Куля до Тюпа.

Картина распределения перечисленных изоглосс представляется нами графически в прилагаемой таблице. Однако, следует не забывать, что все перечисленные классификационные признаки (лишь пережиточно сосуществующие) с основными признаками литературного языка, если они не отступают от норм литературного языка в таблицу полностью не внесены. Так, например, если мы отмечаем признак „*varavъz*“ в вертикали Таласа и Чаткала, это следует понимать, что данная изоглосса явно прослеживается в этом участке, но, при этом нужно помнить, что литературная форма—*varavъz* там так же может выделиться среди сельского актива, учительства и т. п.

Все отмечаемые нами изоглоссы тонут в общей массе признаков, присущих литературному языку.

По отдельным территориальным участкам (выбранным нами по географическому и лингвистическому, а не административному признаку) схождение изоглосс дает следующую картину их преобладания.

I. Таласско-чаткальский участок (включая и Кировский р-н) характеризуется следующими признаками: *tov—najsá¹—vajda—varavъz—qъsbl—tyrly²—vara çatır*.

Вместе с ними спорадически сосуществуют *qъzbl* и *vara çatat* (т. е. на одной территории, но не всегда, даже у одного индивида могут уживаться разные признаки).

Из дополнительных признаков следует отметить наличие еще одной изоглоссы, не прослеживаемой в других северных диалектах: чередование *c || ts* (=Ц) среди ряда представителей; проживающих на территории колхоза „Шекер“ (около с. Грозного)

вм. *caj* имеем *çaj*=чай,

вм. *песе* имеем *пеце*=сколько,

вм. *qапс:* имеем *qапç:*=почем и т. п.

Происхождение этого явления для нас пока является загадкой.

¹ Здесь распространена изоглосса *qъsbl*.

² В аффиксе краткий гласный (вм. дифтонга)

II. Участок низовья Чуйской долины характеризуется признаками:

too—najsa—vajda || (*pajda*)—*varavъs*—*qъsъл*—*tyrдыу* || (*tyrlyу*)—*vara џatат* || (*vara џatър*),

На этом участке совмещается с преобладающими изоглоссами (*najsa, vajda, tyrдыу, vara џatат*) еще и изоглоссы *ajsa* (у отдельных представителей старшего поколения рода Адыгине в Калининском районе), *pajda* (среди киргиз в аулах в. Аларчинского с./с. ок. г. Фрунзе), *qъsъл*—в басс. Иссык-Куля, *tyrlyу* (в Аларчинском с./с., но в с. Ортоалыш имеем *tyrдыу*), *vara џatър* (под Фрунзе) и *varatат*.

III. Участок от Кунгей-Ала-Тау до Тюпа (т. е. северное побережье Иссык-Куля, сравнительно мало населенное киргизами) характеризуется преобладанием следующих изоглосс: *too—najza—vajda—varavъz*—*qъzъл* || (*zaj*)—*tyrдыу* || (*tyrlyу*)—*vara џatър*.

Участок этот интересен сосуществованием с основным пластом *qъzъл*, еще пласта *zaj* (очень незначительного), равно как и изоглосс *tyrдыу* и *tyrlyу* (*tyrдыу* присуща группе *zaj*).

IV. Диалекты Иссык-кульской котловины, включая диалекты Тюпа, Джеты-Огуза и Каракола, относятся к группе: *too—najza—vajda—varavъz—qъzъл—tyrдыу—varatат* || *vara џatат* (*vara jatат*).

Из дополнительных признаков следует отметить преобладание в этих диалектах стяженных форм—*maa, saa* (из *maqа*—мне, *saqa*—тебе) и т. п., и наличие частных sluчaeв—*ajsa, tyrlyу*.

Кроме того, бросается в глаза акустическая особенность *s* и *z*, которые воспринимаются мной как межзубные, весьма схожие с туркменскими, что наводит на мысль о поисках пережитков огузской фонетической системы среди представителей этих диалектов.

V. Нарынский диалект характеризуется преобладанием таких изоглосс: *too—ajza—vajda—varavъz—qъzъл—tyrдыу—vara џatат* || *varatат*.

Вместе с ними, однако, уживаются на одной территории еще и *najza*, и редко—*varajatат*.

VI. Атбашинский участок характеризуется изоглоссами: *too—najsa—vajda—varavъs—qъsъл—tyrдыу—varajatат*, равно как *varatат* (и *varajтат*), и, в незначительной степени—, *tyrlyу, ajsa*,

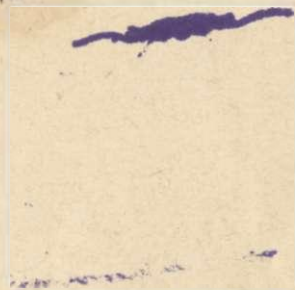
VII. Кочкорская и Джумгальская долины характеризуются изоглоссами: *too—najsā—vajda—varavъs—qъsyl—tyrlyu—vara jutat || varatat*, равно как и частично — *qъzyl*.

* *
*

На этом мы позволяем себе закончить изложение опыта схемы классификации северных диалектов киргизского языка, а для более подробной характеристики опорных диалектов отсылаем внимание читателя к последующим выпускам этого труда.

Ближайший (т. е. второй) выпуск предполагается посвятить описанию таласско-чаткальской системы.

ЮДАХИМ
Константин Кузьмич

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
I. Вводные замечания	6
II. Место киргизского языка в системе турецких языков	11
III. Наречия киргизского языка	13
IV. Классификационные признаки северных диалектов	14
V. Распределение изоглосс	21